

ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА ОБРАЗНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

(на материале произведений А. С. Пушкина и их переводов
на белорусский язык)

1. Проблема адекватной интерпретации оригинального текста и способы его репрезентации на другом языке всегда являются в центре внимания исследователей, так как художественный текст – это не просто произведение искусства, а своеобразный культурный код, который, с одной стороны, фиксирует ментальные, психологические, языковые особенности народа в определенный исторический период, а с другой – отражает личностное видение мира. Художественный текст, особенно поэтический, является проявлением авторского «я», в котором совмещаются общее и индивидуальное, реальное и ирреальное, внешний и внутренний миры. Перевод, таким образом, представляет собой творческий процесс перекодировки, которая осложняется, во-первых, информацией тезаурусного свойства, уходящей в импликационал; во-вторых, особенностями мировосприятия самого переводчика.

2. В этой связи нам представляется интересным обращение к классикам русской и белорусской литератур, чьи имена стали символами этих культур, – А. С. Пушкину и Янке Купале, точнее, к их произведениям – поэме «Медный всадник» А. С. Пушкина и её белорусскому переводу Я. Купалы «Медны коннік».

3. Как показывает контрастивное исследование, образно-поэтические картины мира Пушкина и Купалы, как правило, совпадают, и если признать утверждение, что «в случае совпадения по составу вещного мира и души в оригинале и переводе можно (...) говорить о достигнутой эквивалентности средств», то эти тексты можно расценивать как изоморфные. На наш взгляд, образно-поэтические картины А. С. Пушкина и Я. Купалы максимально приближены друг к другу, но не являются абсолютно одинаковыми. Это предположение подтверждает, в частности, анализ образных определений, которые служат необходимым звеном интерпретации текста: поскольку они способны выражать субъективную оценку предметов и явлений, значит, могут быть недостающим квантом информации для понимания концептуальной картины мира, какой является поэтический текст.

4. Контрастивный анализ обнаруживает около 40 % полных (в семантико-стилистическом плане) совпадений в употреблении образных определений (ср.: *пустынных волн – пустынных вод, дум великих – буйных дум, задумчивых ночей*

– *начэй задумлівых, празрачны сумрак – празрысты змрок, жадный вал* (причем это индивидуально-авторский эпитет) – *хцівы вал* и др.) или же синонимических замен (*блеск безлунный – бліск цемнаваты, зимы жестокой – зімы суровай, печальный пасынок природы* (перифраз 'рыболов') – *няшчасны пасынак прыроды, мятежный шум – грозны шум*). Остальные же случаи словоупотребления обнаруживают ряд несоответствий: 1) стилистических: русский и белорусский эпитет представляют собой стилистически не релевантные единицы при семантической эквивалентности: *полночных стран, полночная царица – краін паўночных, паўночная царыца; хладный – халодны, неколебимый – непарушны, недвижный – нязрушны, невнемлющий – нячулы* (русские определения составляют принадлежность высокого стиля при нейтральности их белорусских аналогов, в результате чего теряется та "летописная величавость" пушкинского повествования, о которой говорил В. В. Виноградов); 2) семантических: а) пропуск эпитета – он может быть как малозаметным (*пустой сон – сон нібы той*), так и существенным, поскольку определение конкретизирует, оценивает отраженную в тексте действительность (ср.: *мрачный вал – определение, характеризующееся отрицательной коннотацией и имплицитующее семы 'злойный', 'гибельный', соответственно, при его опущении эта часть информации теряется*); б) общезыковому определению соответствует метафорический эпитет (*У змрок сівы пераклікаўся варгавы – И в тьме ночной перекликался часовой*); 3) структурно-функциональных: а) эпитет-прилагательное заменяется наречием, что несколько изменяет ситуацию: от субъектно-объектной характеристики мы переходим к характеристике предиката (*Сонны очи Он наконец закрыл – Сонна вочы Нарэшце сплюшчыў ён свае; Сидел недвижный, страшно бледный Евгений – Сядзеў нязрушны, страшна бледны Яўгеній; Еще кипели злобны волны – Яшчэ кіпелі злобна хвалі; Плеская шумною волной – Бурліва хвалямі б'ючы*); б) эпитет-прилагательное заменяется приложением или субстантивным сочетанием – это обуславливает расширение спектра характеризующих признаков, а наличие скрытого сравнения способствует созданию яркого образа (*злойные волны – хвалі–змеі, праздные счастливицы – летуны–шчасліўцы, отчаянные взоры – зрок роспачы*).

5. Несмотря на неадекватность семантико-стилистических и структурных особенностей эпитетов, перевод Я. Купалы не уступает оригинальному произведению по своей художественной силе. Специфика представления знаний даже в близкородственных языках обуславливает наличие расхождений, и поскольку существуют системные различия, постольку образно-поэтические картины оригинала и перевода отражают эти различия.